

Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

<Белинский>

Движение западников оформилось около 1840 года, когда философы-идеалисты из кружка Станкевича и идеалисты-социалисты из кружка Герцена объединились в одно движение, оппозиционное как по отношению к официальной России, так и к славянофильству. Мне придется в последующих главах так много говорить о каждом из этих западников, что будет излишним давать тут общую характеристику движения. В общих чертах о них можно сказать, что они верили в прогресс на европейский манер. Они были антиклерикалами, а в политике либералами или социалистами.

Вожжами этих кружков в тридцатые годы были Тимофей Грановский (1813–1855), с 1839 года профессор истории Московского университета, блестящий лектор и изящный писатель, но не оригинальный ученый; Герцен, чьи сочинения в основном принадлежат к последующему периоду, и важнейший из всех — Белинский.

Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1810 году в бедной семье военного лекаря. Как большинство интеллигентов плебейского происхождения, он не сохранил благодарных воспоминаний о детских и школьных годах в маленьком захолустном городке Чембар (Пензенской губернии). В 1829 году он поступил в Московский университет и вскоре подружился со Станкевичем и другими молодыми идеалистами. Через три года он был исключен из университета и так никогда его и не закончил. Образование он получил не столько в результате регулярных занятий, сколько от запойного чтения и общения с другими студентами. Из иностранных языков он знал только французский, да и тот не слишком хорошо. Немецкие и английские книги он мог читать только в переводах. В области философии (что было очень важно в московских кружках того времени) он был целиком зависим от своих более образованных друзей. После университета Белинский занялся журнальной работой и вскоре стал сотрудником

надеждинского «Телескопа». Там в 1834 году он опубликовал свою первую значительную статью — знаменитые «Литературные мечтания», — которую можно считать началом журнализма русской интеллигенции. В ней и в других опубликованных в «Телескопе» статьях Белинский с самого начала проявил свой воинственный и восторженный темперамент, который заслужил ему прозвище «неистового Виссариона». Статьи его дышали юношеской непочтительностью ко всему старому и почтенному в русской литературе и таким же юношеским энтузиазмом к новым идеям идеализма и творческим силам молодого поколения. Вскоре он стал пугалом консерваторов и лидером молодых.

В 1836 году «Телескоп» был закрыт и Белинский остался без постоянной работы. Сначала он стал репетитором и написал русскую грамматику. Затем он некоторое время был редактором «Московского наблюдателя», журнала, который его друг и (в то время) философский авторитет Бакунин приобрел у Погодина. Но ни Бакунин, ни Белинский не были дельцами, и предприятие не удалось. Наконец в 1839 году Белинский был приглашен Краевским в «Отечественные записки» на должность главного критика. Белинский переехал в Петербург. И хотя Краевский нещадно его эксплуатировал и очень мало ему платил, Белинский все-таки был спасен от полной нищеты.

Во время своей работы у Надеждина Белинский вдохновлялся романтическим идеализмом Шеллинга, его высокими представлениями о поэтическом и художественном творчестве. Потом Бакунин увлек его моральным идеализмом Фихте, позже и Гегелем. В Петербург он приехал совершенным гегельянцем. Первые его статьи в журнале Краевского привели в ужас читателей неожиданным восторженным консерватизмом и «официальным национализмом». Читатели ничего не знали о скрытой логике философской эволюции критика, о том, что теперь он живет согласно знаменитой гегелевской формуле: «Все действительное разумно». Эта формула привела Белинского (который никогда не останавливался на полпути) к выводу, что существующие социальный порядок и политический режим разумны. Но для Белинского это «консервативное гегельянство» было, однако, только переходной стадией, и к 1841 году его идеи приняли свою окончательную форму, исторически наиболее важную. Эта перемена частично произошла под влиянием толкования формулы Гегеля «левыми гегельянами», частично под влиянием Герцена и его социализма, но всего более это была естественная реакция «неистового» темперамента критика, темперамента бойца и революционера. С этого времени Белинский стал душой и двигателем прогрессивного западничества, провозвестником новой литературы — не классической или

романтической, а новой. Главным его требованием к литературе стала верность жизни, и в то же время наличие социально значительных идей; Гоголь и Жорж Санд полностью отвечали этим его требованиям. В 1846–1847 годах Белинский был вознагражден, увидев рождение новой литературной школы — реальной, отвечавшей идеалам, которые он провозглашал.

В 1846 году Некрасов и Панаев, принадлежавшие к партии Белинского и отчасти им сотворенные, купили у Плетнева пушкинский «Современник», и Белинский ушел от Краевского (который был бизнесменом, а не другом) и стал критиком «Современника». В 1847 году он для поправления пошатнувшегося здоровья уехал за границу и там, свободный от цензуры и от любопытства русской почты, написал свое знаменитое письмо Гоголю по поводу его «Переписки с друзьями». Письмо дышит пламенным уязвленным негодованием на «потерянного вождя» (говоря о Гоголе, я показал, что это было явное недоразумение, ибо Гоголь никогда не был вождем), и, пожалуй, это самая выразительная формулировка веры, воодушевлявшей прогрессивную интеллигенцию с 1840 по 1905 год. Вскоре после возвращения в Россию Белинский умер (май 1848 г.). Его не беспокоила полиция и сравнительно мало мучила цензура, ибо он изучил искусство принаравливать свои слова к их требованиям. Но проживи он немного дольше, не приходится сомневаться, что правительство, напуганное событиями 1848 года, так или иначе сделало бы из него мученика, и он, может быть, разделил бы участь Достоевского.

Историческое значение Белинского невозможно переоценить. В общественном отношении он — веха, отметившая конец правления дворянства и пришествие к управлению культурой неклассовой разночинной интеллигенции. Он был первым в династии журналистов, имевших безграничное влияние на русское прогрессивное общественное мнение. Он был настоящим отцом интеллигенции, воплощением того, что являлось ее духом на протяжении более чем двух поколений — социализма, страстного желания улучшить мир, неуважения к традициям и напряженного бескорыстного энтузиазма. Он стал как бы святым покровителем русских радикалов, и вплоть до нашего времени его имя, единственное из всех, стояло выше критики. Но в последнее время, особенно благодаря изменению литературных норм и закату гражданственности в литературе, его репутация сильно пострадала *.

* Виктор Шкловский, один из самых влиятельных современных критиков, выразил распространенное чувство, когда написал: «Я ненавижу Белинского и всех прочих (к счастью, неудачливых) убийц русской литературы».

Можно сказать многое и за, и против Белинского. В его пользу всегда будет говорить то, что он самый подлинный, самый бескомпромиссный и самый последовательный из литературных революционеров. Его вдохновляла любовь к близкому будущему, которое он прозревал с изумительной интуицией. Может быть, никогда не бывало критика, так подлинно соответствовавшего истинному направлению своего времени. Более того, он почти безошибочно различал, что истинно, а что мишура, что значительно, а что второстепенно в современности. Его суждения о писателях, вступивших в литературу между 1830 и 1848 годами, можно принять почти без оговорок. Это высокая похвала критику, и немногие ее заслуживают. Его суждениям о литературе предыдущей эпохи и предыдущего поколения мешала партийность, или, скорее, некоторые слишком определенные вкусовые нормы, ошибочные по нашему представлению. Он понимал только один род литературного совершенства (практически это оказывался единственный род литературы, в котором подвизались люди его поколения); к другим же он был слеп. Он судил писателей восемнадцатого и золотого веков с точки зрения собственного идеалистического реализма. И отбор, который он между ними производил, стал обязательным для русских литературных суждений на две трети столетия. Теперь мы от него освободились. Но со своей точки зрения он был замечательно разумен и последователен. Суждения об иностранной литературе были менее удачны, что не удивительно, учитывая его лингвистическую ограниченность. При всем том ему нельзя отказать в звании необыкновенно чуткого и прозорливого критика.

Однако его недостатки тоже серьезны. Прежде всего — это его стиль, на котором лежит вина за ужасающее многословие и неряшливость русских журналистов второй половины XIX века (имею в виду журналистов, а не газетчиков), так же как вина за их отвратительную вульгарность лежит на Сенковском. Безусловно, ни один автор ранга Белинского не писал таким чудовищным языком.

Во-вторых, идеи Белинского-критика вряд ли способны вызвать восторг сегодня. Не потому, что гражданская нота, которую он ввел в сороковые годы, была необязательной или вредной. Она была необходима и звучала в такт своему времени. Гражданственное отношение к литературе в последние годы царствования Николая I разделялось всеми достойными людьми и было просто выражением гражданского самосознания. Дело в его литературной доктрине, с которой трудно примириться. Он не полностью отвечает за нее, но он особенно успешно ее пропагандировал. Именно Белинский, а не кто иной, отравил русскую литературу этим зудом выражения

идей, который, увы, просуществовал так долго и все еще жив среди людей старшего поколения. Он же распространял все общие места романтической критики — вдохновение, искренность, гений и талант, презрение к труду и технике и странную аберрацию: отождествление художественной литературы с тем, что он назвал «мышлением образами». Белинский (не как гражданственный, а как романтический критик) в большой степени ответственен за пренебрежение к форме и ремеслу, которое чуть-чуть не убило русскую литературу в шестидесятые и семидесятые годы. Но будет только справедливо сказать, что, хоть он был и наиболее влиятелен, не один Белинский распространял эту заразу. Тяжесть греха лежит на всем поколении.

Е. В. АНИЧКОВ

К религиозным воззрениям наших шестидесятников

<Фрагмент>

Если общественные взгляды наших шестидесятников еще требуют тщательного пересмотра, то в гораздо большей мере надо это сказать относительно их религиозных верований.

Историки литературы, публицисты, политические деятели и до наших дней довольствуются когда-то кем-то установленными формулами. Сухая схема заменяет трепет мысли, легенда историческую правду. А что касается религии, и на самом деле как же быть? Цензурные условия не только николаевских времен, но и всего позднейшего периода нашей литературной истории, от Великих Реформ до падения старого режима, не давали возможности высказываться при малейшем отклонении от норм веры, установленных синодальным православием. И вот возникло впечатление, будто русская мысль поделилась с каких-то давних времен на неких три течения: одно *православное*; ну, разумеется — славянофилы и еще тверже официальные публицисты; другое ищущее, чающее благ